

Балтская переметна

независимая газета о культуре для родителей и учителей

Поэт в России больше чем поэт

Её голос поддерживал жизнь в осаждённом Ленинграде

16 мая 2020 года исполняется 110 лет со дня рождения Ольги Берггольц, которую называли голосом надежды блокадного Ленинграда. Она родилась в 1910 году в Петербурге в семье заводского врача, жившего на рабочей окраине столицы в районе Невской заставы. В довоенной судьбе Берггольц было многое, что могло надломить её. Этой женщине пришлось пережить смерть дочерей, развод с мужем, известным поэтом Борисом Корниловым, арест отца, а затем и её самой по обвинению в связях с врагами народа; через полгода после ареста она была отпущена на свободу и полностью реабилитирована. А её мужа Бориса Корнилова расстреляли в феврале 1938 года.

Пережить, как видим, пришлось немало. Тем удивительнее внутренние изменения, произошедшие с этой хрупкой женщиной — она не сломалась, стойчески переплавив обиду и боль в новые зрелые стихи. А пришла война — сумела стать голосом блокадного Ленинграда, его надеждой и эпической героиней. «Вера Кетлинская, руководившая в 1941 году ленинградским отделением Союза писателей, вспоминала, как в первые дни войны к ней пришла Ольга Берггольц, Оленька, как её все тогда называли, видом — „обаятельный сплав женственности и размашистости, острого ума и ребячьей наивности“. Непривычно серьёзная и собранная, она спросила Кетлинскую, где и чем может быть полезна. Та направила Берггольц в распоряжение литературно-драматической редакции Ленинградского радио», — рассказала главный библиотекарь отдела рукописей Российской национальной библиотеки Наталья Борисовна Рогова.

Ольга Берггольц в одночасье стала поэтом, олицетворяющим стойкость блокадного города. В Доме радио она почти

ежедневно вела радиопередачи, позднее вошедшие в её книгу «Говорит Ленинград».

Блокадники вспоминают, что мягкий задушевный голос поэтессы, звучащий по радио в осаждённом городе, стал им родным. Не было тепла, света, еды, и только этот голос поддерживал в горожанках надежду. Реальность была настолько жестокой, что казалось: людям не до стихов. Но Берггольц писала так, что они становились точкой опоры для каждого, кто их слушал.

*Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала,
что вчера единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.
А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина.
Не отыскать в снегах
трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.*

В пьесе Берггольц и Макогоненко «Они жили в Ленинграде» действие разворачивается в период первой, самой тяжёлой блокадной зимы: бомбёжки, скованные морозом улицы и площади, «125 блокадных грамм с огнём и кровью пополам» (эту строчку из стихотворения Берггольц сразу подхватил народ). Безнадёжно бредут куда-то мимо убитых и умерших от голода люди-тени. Люди, утратившие всё, кроме человеческого достоинства.

Поэтесса читала у микрофона «под свист снарядов»:

*Над Ленинградом — смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжёлый день любви.
Но мы забыли, что такое слёзы,
что называлось страхом и мольбой.*

На самом деле страх был. Но сильные люди, не сломленные духом, справлялись с ним, как это произошло с хрупкой Ольгой Берггольц. В страшные дни бомбёжек, пожаров, продовольственных карточек звучал по радио негромкий, но твёрдый голос — Поэта, которая говорила с жителями блокадного

Сегодня имя Ольги Берггольц носит одна из улиц Санкт-Петербурга, а гранитные плиты Пискаревского мемориального кладбища «говорят» с жителями и гостями города монументальными по духу её словами

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины,
женщины, дети.*

*Рядом с ними
солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имён благородных
мы здесь перечислить не сможем,
Так их много*

*под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.*

В памяти поколений Ольга Фёдоровна Берггольц осталась мужественной и несгибаемой Музой блокадного города, символом твёрдости и бесстрашия русского духа.

Чтение стихов поэтессы, её живой голос можно услышать в электронном читальном зале Президентской библиотеки в аудиозаписях известного блокадного репортёра Матвея Фролова. На портале библиотеки представлены электронные копии книг Ольги Берггольц: сборник стихов «Ленинград» (1944), пьеса «Они жили в Ленинграде» (1945), написанная в соавторстве с известным литературове-

дом Георгием Макогоненко, а также другие материалы, посвящённые её жизни и творчеству.

Она умела, как никто другой, разговаривать с погружённым в невыразимую скорбь городом. Пронзительные стихотворения поэтессы из самого сердца блокадного Ленинграда дают читателю возможность увидеть его жизнь изнутри:

*Скрипят, скрипят по Невскому полозья;
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скарб, умерших и больных.*

Дорогие читатели! В эти дни, когда мы вновь и вновь обращаемся к истории Великой Победы, необходимо глубже почувствовать, а значит понимать, как и чем жили ленинградцы, закованные в блокадное кольцо. Помнить — значит знать и понимать. А для этого послушайте живой голос Ольги Берггольц. В Президентской библиотеке он звучит как в те страшные годы, но в электронном читальном зале...

Вспоминая минувшее

Поэзия во время пандемии

В эти дни изоляции, разбирая свои залежи бумаг, писем, фотографий, папок со стихами друзей и коллег, я всё время обращаюсь в прошлое. В нашу замечательную компанию.

И опять прихожу к выводу, как хорошо повлияла компания друзей на моё мировоззрение в годы Оттепели. Друзья были намного старше меня. Они все помнили войну душой, некоторые были её участниками, и все радовались тем возможностям, которые им дала мирная жизнь, жизнь в Ленинграде.

Гарри Спектор приехал в Ленинград из Москвы по распределению вуза. Сразу пришёл в семью маминной подру-

ги, у которой был сын его ровесник. Это был красавец Лёня Гольденштейн. Тоже инженер, недавно окончивший вуз. Но уже семейный. У Лёни была страсть — классическая музыка. Потому стала его пожизненной любовью музыковед Анечка Соколова. Вместе с ней они обрели и вторую страсть — изобразительное искусство. Оба любили людей, любили собирать у себя друзей.

Продолжение см. на стр. 4

Гарри и Вета

Нам повезло. Мы знали их, вернувшихся с войны!

Недавно Председатель Комитета по социальной политике Александр Николаевич Ржаненков сказал: «Хожу с печальной мыслью. За последние два года в нашем городе мы похоронили более ста тысяч ветеранов Великой Отечественной войны! Большинство из них мальчишками уходило на фронт! А после войны они же огромными усилиями восстанавливали город. И были нам — детям — примером во всём. Жаль, что мало об этом написано. Молодёжь должна о них знать и помнить».

Александр Николаевич прав! Его родители во время войны были партизанами. Чудом уцелели. Он был свидетелем их послевоенного труда. В шесть лет он уже помогал родителям и хотел им соответствовать.

СЧАСТЬЕ ИМЕТЬ ТАКОГО БРАТА

... И я, ещё — малолетка, в первые годы после войны, хотела помочь своему брату.

Мой брат — Николай Ефимович Усвят в июне 1941-го ушёл семнадцатилетним добровольцем на фронт. Все годы войны, воевавший на передовой или в десанте, после Победы Коля тоже восстанавливал наш город. А на склоне своих лет, из всех своих многочисленных наград и званий, больше всего дорожил Грамотой Президиума РАН «За воинский и трудовой подвиг, и возрождение отечественной науки в послевоенные годы!»

Два года тому назад в апреле брата не стало. И я опять получаю письма от его друзей и сослуживцев.

Из письма: «...Николай Ефимович был талантливым руководителем и учёным. Искренне дружил и помогал подчиненным. Его эрудиция и выдержка, интеллигентность и терпимость нас поражала!» Или... «Ваш брат был не только талантливым инженером и производителем, он прекрасно знал историю, литературу, любил читать стихи. Вам повезло. Счастье иметь такого брата!»

«Твой брат поднял нашу промышленность в послевоенные годы. Много создал изобретений! Умел отстаивать своё мнение. Ничего не боялся! Этому я у него научился!» — по телефону сказал мне Рудик Хагуш — герой грузино-абхазской войны. Он в молодости долгое время работал рядом с Колей.

Коля более тридцати лет с радостью служил в холодильной промышленности.

Выдержка и ясный ум до последних его дней поражали окружающих и меня! А было брату уже 94 года. Хотя пришлось ему в жизни пережить немало потерь и трудностей...

Коле было шесть лет, когда он потерял отца. В тот же год ушли из жизни его старший братик и дедушка. Коля с мамой бедствовали, пока она не встретила его будущего отчима, моего отца.

Брат не любил вспоминать ни трагедии детства, ни подростковые конфликты с отчимом, ни пережитое на войне. Лишь в дни празднования 70-летия Победы, когда его попросили сотрудники газеты «Известия» написать о военных годах, он и мне стал рассказывать о своей жизни на фронте. Вот тогда-то я включала диктофон и задавала ему вопросы.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Запись с диктофона:

— Коля, откуда у ленинградцев с первых же дней войны был такой дух па-

Коля в конце войны

После защиты диссертации

триотизма? Они стояли у военкоматов, валились на фронт. Хотя перед войной в обществе витал страх от репрессий. Твоего отца тоже посадили, и он бесследно исчез...

— Могу говорить только о себе. Я семнадцатилетний переживал, что не успею повоевать, как это — без меня кончится война?! В первые дни войны говорили, что война продлится только две недели. «Долг мужчины — защищать свою страну, свою семью!» — мне привили хорошие учителя истории и литературы. Они глубоко и ярко анализировали мысли и действия подлинных героев истории и персонажей литературных произведений.

А наша семья! Отчим (твой отец) был начитанным и интересным человеком. Они с нашей мамой каждую свободную минуту сидели с книгами, часто размышляли при нас о чести и достоинстве.

Помнишь их напутствие: «Честь и долг превыше всего!»

И ещё. В мои школьные годы на Сенной площади была книжная лавка, куда мы с соседом Игорем приносили прочитанные книги. На вырученные деньги покупали другие книги, которые нам советовал читать пожилой продавец в пенсне. Они не входили в школьную программу: Фенимор Купер, Майн Рид, поэт Надсон. Мне нравились персонажи и сюжеты книг Эдгара Уоллеса и Луи Буссенара. Любил Маяковского. Знал наизусть «Паспорт», «Левый марш». Как после таких книг не мечтать воевать и проверить себя на смелость?!

ПИСЬМА С ФРОНТА

...Я намного младше брата. Во время блокады дети взрослели быстрее. Меньше помню голод. Больше — ожидание писем с фронта. Мне кажется, родители не так боялись обстрелов, как получить «похоронку». Мама, как молитву, повторяла стихи Симонова «Жди меня и я вернусь. Жду, жду, жду, сынок!». Я подходила много раз в день к почтовому ящику.

Как святыню, хранила наша мама коробку с фронтовыми письмами от Коли. Это летопись его жизни в окопах, в разведке, в артиллерии, в страшном окружении под Полтавой, дойти пешком до Харькова, оккупированного немцами, откуда ему чудом удалось вырваться к нашим войскам, но под обстрелом получить контузии. Лежал долго в госпитале, но вернулся на фронт в десантную бригаду. Мы с мамой много раз читали эти письма. Думаю, они повлияли не только на нашу крепкую дружбу с братом, но и на мою ответственность перед ним, и перед людьми.

БЫТЬ, А НЕ КАЗАТЬСЯ

Запись с диктофона:

— Коля, думаю, не только семья и учителя, но и война тебя многому научила?

— Научила изживать из себя страх! Научила — быть собой, а не казаться. Уже на войне не мог выносить, и не приемлю сейчас, угодничества, амбиций.

На разгрузке вагонов с лесом для восстановления Ленинграда, 1946 г.

Директор Сухумского
рыбокомбината, 1960 г.

С любимым внуком Даней

Я как всегда за спиной у Коли, 2001 г.

Мы — молодые — на фронте научились глубоко сочувствовать людям. Переживали, когда видели умирающих солдат. Был случай на Юго-Западном фронте. Мы форсировали реку Дон. Нам противостояла дивизия итальянцев. После боя мне пришлось сопровождать командира. Мы шли по заснеженному полю, усеянному трупами итальянских солдат. В общей массе убитых заметили одного итальянца. Он поднимал руку и смотрел безумными, умоляющими глазами. Командир скомандовал: «Застрели его!». Во время боёв я корректировал залпы артиллерийских батарей, но стрелять в раненного, беспомощного человека не мог. Это претило моей натуре. Я понимал, что сейчас от командира получу по-полной. Но это было против моих убеждений. Я ушёл. Командир назвал меня «хлопиком».

Мы — молодые — переживали, когда видели, как разрушены города, сельские жилища людей. На войне мы научились быть собой, а не казаться. Научились жить в коллективе. Наверно, всё это нам очень помогло в мирной жизни. Пришли с войны, сразу принялись за дело, нужное стране».

ДРУГ, УЧИТЕЛЬ И ГУРУ

... После демобилизации в 1946-году, брат рвался работать, но родители настояли, чтобы он поступил в вуз. Он учился в Институте холодильной промышленности, а после лекций сгружал из вагонов доски. Товарные поезда с лесом прибывали для восстановления города. А когда наш третий класс сажал кусты в парке Победы, он приезжал помогать.

Коля возил меня в свой любимый город Пушкин, где тоже помогал на стройке. Потом мне рассказывал о Поэте и лицеистах, о преступлениях гитлеровцев в Пушкине.

Он хвалил меня, когда я вместо мамы, убирала дом, мыла полы в громадной коммунальной квартире. Расспрашивал, что я видела в театре. Или какие чувства, ассоциации вызывают у меня те или иные стихи и песни. Он очень любил слушать Шаляпина, записи которого в те 50-е годы часто передавали по радио. Эти мои детские годы стали трамплином нашей пожизненной дружбы. И потом Коля покупал мне книги, беседовал со мной о цели в жизни, о плохих и хороших поступках людей. О героях произведений Бориса Васильева, Василия Шукшина. Разбирал каждую строчку Александра Блока, Бориса Пастернака, позднее Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого. Даже, когда

женился, брал билеты в театр на троих. Я училась у него слушать и слышать людей. С годами он стал доверять мне свои секреты, сомнения.

Ну, как не подражать такому брату?! Коля был для меня другом, учителем и гуру, и оставался им до самых последних своих дней. Я была счастлива, если могла помочь ему. Он это чувствовал. Когда стал болеть, именно меня он просил сопровождать его к врачам, приезжать в больницы.

ДЕЛО ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ

...Окончив вуз, Коля мог остаться работать в Ленинграде. Но он решил уехать на юг страны.

Запись с диктофона:
— Братик, почему ты выбрал Адлер?
— Шёл 1951-й год. Надо было поднимать промышленность. В Адлере восстанавливали рыболовецкое хозяйство страны, сельхозпредприятия, строился Аэропорт. Юг, Чёрное море!. Туда съехались молодые специалисты, почти все бывшие фронтовики. Жили в одной связке. Был построен на нашем рыбзаводе двухэтажный консервный цех. Уже через год завод снабжал рыбой на кавказском черноморском побережье все магазины и санатории. Хотя я и был там главным инженером, уходил с рыболовецкими судами в море. Хотелось понять, как сохранять уловы».

С первых же лет работы рационализаторские предложения брата приносили большую пользу. Потому он был делегатом Всесоюзного съезда изобретателей, созванным Н. С. Хрущёвым. Потом его перевели работать в Сухуми.

Запись с диктофона:
— В Сухуми через полгода мне доверили не только обновлять холодильники, а создавать различные технические разработки в консервном производстве. Со временем наш Сухумский рыбокомбинат стал славиться своими масштабами и связями с рыбными заводами всей страны. К нам на практику приезжали студенты, стажировались специалисты. Здесь был сплочённый многонациональный коллектив».

... Тридцать лет Коля на сухумском рыбокомбинате был то главным инженером, то директором завода. Приезжая к нему, я наблюдала его увлечённость делом. У Коли уже подрастали два сына. Он в них души не чаял. Но всё же, на комбинате он находился с 8-ми часов утра, и часто до поздней ночи.

Здесь были внедрены больше сотни его изобретений и рационализаторских предложений. Но он не терял связь со своим родным Ленинградском институтом холодильной промышленности, занимался наукой, здесь защищал диссертации.

Сухумские жители его выбирали в разные правительственные Советы. Он соглашался, так как знал, что будучи Депутатом, сумеет помогать людям. И помогал. А маме и мне в Ленинград звонил почти каждый день.

Запись с диктофона:
— Вот ты спрашиваешь о нашем патриотизме. Думаю, патриотизм в первую очередь выражается в хорошем отношении к людям и к делу. Человек чувствует себя нужным, полезным, когда любит своё дело, а не одержим — зарабатывать большие деньги. Родина начинается «не с берёзки в твоём букваре», и не с набитого кошелька или богатого дома и машины, а с любви и привязанности к людям и к делу».

САМОСТОЯНЬЕ ЧЕЛОВЕКА

... В 1987-году по настоянию своей семьи Коля переехал в Ленинград.

Запись с диктофона:
— Я поселился в Пушкине. Ездить каждый день в Ленинград на работу, куда меня приглашали, мне было трудно. Уже стукнуло 63 года. Устроился главным инженером в пушкинском Доме — пансионате Академии наук. Постепенно свыкаешься с новизной, всё в жизни интересно. Здесь я открыл для себя мир пожилых людей науки. Не очень здоровые академики меня привлекали своей активностью и желанием быть полезными. Они разводили зимние сады, занимались дизайном, устраивали различные обсуждения текущих событий в стране».

... Но брата первое время мучила ностальгия по производству, по Сухуми. Он часто приезжал ко мне, вспоминал о работе в Сухуми. Хотел туда вернуться. Уговаривал меня уехать с ним. А когда

сообщили, что началась Грузино-Абхазская война, и в первые дни военных действий разбомбили сухумский рыбокомбинат, мы вдвоём часами ходили по улицам города и молчали, как в дни смерти нашей мамы.

Ещё двадцать лет Коля работал в Пансионате. Быть полезным другим — это его призвание. Только после тяжёлого второго инфаркта и операции в 2007-году, в 83 года, оставил свой пост. Проживал с женой в Пансионате. И ещё одиннадцать лет активно продолжал интересоваться всем, что делается в городе, в стране. Часто предсказывал, какие последствия могут быть в России и в мире после различных международных событий. Не ошибался.

Думаю таких братьев, таких сынов и отцов было немало. Их энтузиазм, тяга к знаниям, их «самостоянье» стали ярким маяком нашего поколения, поколения военных и послевоенных детей. На него, на этот живой и такой яркий маяк мы ориентируемся до сих пор! Низкий им поклон — нашим дедам, отцам и братьям, поклон и вечная память!

P. S. Статья эта написана мной накануне пандемии. Газета выйдет после снятия карантина. Изоляция уже — полтора месяца, конечно, для меня активного человека, тягостный этап жизни. И ещё каждый день в разговорах по телефону и по скайпу разделяю тревогу друзей своего возраста о количестве заболевших и скончавшихся в стране. О потерявших — работу.

Эпидемия пока не кончается, скорее всего по вине тех, кто не хочет соблюдать условия изоляции. Нам их не понять. Мы, дети войны, наверное, получили заряд выносливости и сочувствия потому, что жили рядом с бывшими фронтовиками и партизанами. И потому же наследник партизан — А. Н. Ржаненков сейчас целыми сутками стоит на посту искренней помощи. Помощи тем сотням людей, кому пандемия принесла лишения и страшное горе.

Регина АЗЕРАН

Поэзия во время пандемии

В эти дни изоляции, разбирая свои залежи бумаг, писем, фотографий, папок со стихами друзей и коллег, я всё время обращаюсь в прошлое. В нашу замечательную компанию.

Окончание. Начало на стр. 1.

У Гольденштейн-Соколовых, вернее «У Лёнечки-Анечки» собирались мы на пятом этаже в доме на 6-й Советской улице. Нас было шестнадцать. Весёлых, озорных и конечно рискованных. Наши посиделки в большой комнате гостеприимной семьи уважали даже соседи по коммунальной квартире. Хотя посиделки и разговоры были иногда шумные: обсуждали спектакль или прочитанные книги, слушали пластинки. Танцевали! Соседи никогда не делали нам замечания. Доброе было время!

А мы были все такие разные по годам и по характерам. Но сейчас мне кажется, мы все и годы те были замечательные! Инженеры, музыканты, педагоги, художница, и два студента делали хозяевам не только подарки в виде книг, пластинок, водочки и винегрета. Но ещё приносили анекдоты, рассказы, стихи и запрещённые статьи «с проклятого Запада». Статьи не «про Это», а про Бродского, Шемакина, Гордеева, Нуриева. А потом ненапечатанные рассказы Сергея Довлатова. Собирались мы здесь почти каждые выходные и в новый год. А то и раз в неделю после какого-нибудь культурного события. Мы все вместе ходили на концерты в Филармонию, в театры, на вечера поэтов-москвичей, ночами стояли в очереди в магазин подписных изданий. Это были мои студенческие годы. Хотя я училась в Москве, всё же приезжала домой раз три в месяц и обязательно приходила сюда к этим добрым друзьям.

Так было и когда они переехали в отдельную квартиру на Васильевском острове.

А потом трагедия постигла Лёнечку-Анечку. Заболел их единственный сын и остался на всю жизнь инвалидом. Замечательный красавец-добряк каждый год несколько месяцев проводил в больницах.

Были и у других членов нашей дружной компании свои трагедии, разводы, потеря близких. Но во всех бедах к каждому из нас приходили на помощь наши друзья.

Особенно такой заботой отличался Гарри Спектор, ведущий инженер ЦКБ судостроения, человек с разносторонними интересами, общительным характером, любимец женщин (потому женился на прекрасной Виолетте уже в довольно зрелом возрасте), успевал всем помочь, всем звонить. Когда я сломала ногу, он вслед за моим братом и Лёничкой прибежал ко мне в больницу, очень переживал, что врачи ничего хорошего не обещали (три перелома), а потом почти каждый день звонил и часто навещал меня дома. Мы его все очень любили и звали Гаричек. И рады были его счастью с замечательной Ветой (Виолеттой).

Он, как и Соколовы, был нашим связующим звеном. А ещё Гаричек писал

СИЛА ДРУЖБЫ!

Экспромт
Моим друзьям

У дружбы, как судьбы, свои законы:
Демократизм, доверье, интерес.
Конечно, время, возраст и каноны
Влияют на неё, как на процесс...
Так в юности романтикой объята,
Ремарковских героев образ мил,
Друзья — друг другу верные ребята, —
Которых жизни смысл объединил.
А смысл — любовь, взаимность и соборность,
И предпочтенье истинам простым:
Свобода и открытость, непритворность
И сборы, что присущи молодым!..
Пожалуй, зрелость дружбу не скрепляет —
Семья, заботы, жизненный напруг —
И если она длится, выживает, —
Сакральна, благо самое из благ!
Друзья мои, вас истых нынче мало,
Кто вне России, кто-то, в шорах, здесь.
Разъединили нас и раскидали
И власть, и годы, старость — с ними смесь!..
Руки по пальцам счёт, кто здесь остался,
И узы — больше скайп и телефон.
В реальности мы, каждый, окопался,
Увы, подрыв для дружбы и урон...
Друзья мои, что здесь и в разных странах,
Давайте старости, болезням вопреки
Факт встреч, общенья сделаем желанным,
Пока мы молодые старики!
Звонки от друга или лучше встречи
Нам путь земной способны удлинять,
Преграды все и что сему перечит,
Нам надобно стараться устранять,
Чтоб в вечность раньше срока не шагаты!

2.04.2020 г.

ОБ АКТУАЛЬНОМ СЕГОДНЯ

Экспромт

Мы в группе риска — нам за шестьдесят,
С женой вдвоём запрятаны в квартире.
И так не день, а много дней подряд
Живут на самокарантине в мире...
Коронавирус не взошёл на пик,
Хоть ждут в России этого, как манну.
Но к нам, увы, явился газовщик
С проверкой нужной якобы по плану...
При том, что не работает страна,
Для всех антракт, что любо иль не любо.
«Проверка безопасности важна», —
Сказал нам газовщик как бы сквозь зубы...
Да, безопасность надо соблюдать,
Но есть ещё и здравый смысл тоже.
Как сей визит нежданный понимать,
Вполне на провокацию похожий?!
И всё же повод, пусть не правовой,
Помог с однообразием расстаться.
Над нашей замурованной судьбой
И погрузить, и грустно посмеяться!..
Полегче нам, поскольку мы вдвоём,
А как на карантине одиночим?
Не думать постараться о плохом,
О социальных позабыть пороках!..
Умерить свой обычный нигилизм,
Власть похвалить за что-то справедливо.
Тоска пройдёт, взиграет оптимизм,
Как ветра южного и тёплого порывы...
Давать советы, впрочем, глупый труд,
При том, что совершается такое...
Надеюсь, одинокие поймут:
Советы для душевного покоя!

3.04.2020 г.

Стихи Гарри Спектора

ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ...

Экспромт

После карантина в стенах дома
Выход на природу — просто шок.
Все вокруг как будто незнакомо:
В новый мир переступил порог?..
На деревьях нежные листочки,
Зеленеет травка во дворах.
Посвист птиц, синичек молоточки,
И порой ансамбль разных птах...
Солнце улыбается в зените,
Обласкав меня своим лучом.
Радостно мне, что не говорите,
Только, видите, жожу с трудом...
Скажете: печальная картина,
Но мне же девяносто с гаком лет.
Я стараюсь статус пересилить
И дистанцию, скрипя, преодолеть:
Волю демонстрирую — не мила, —
Но нашёл скамью, чтобы присесть...
Музыка, гармония природы
Выгеснили мой мгновенный шок:
Вроде уж не так довлеют годы,
Вроде бы, как прежде, я опять ходок!
Так от Моцартовской серенады
Точно молодеешь телом и душой.
Карантинные падают преграды,
Филармония откроет зал Большой.
Собственно откроет оба зала —
Зал второй, что называют Малым.
Снова мы придём туда с женой.
Музыка спасёт? Меня спасала
От того, что названо хандрой!..

10.05.2020 г.

и пишет стихи. Когда ушёл на пенсию, выпустил два сборника стихов.

Но наступила перестройка. А с ней пришли тяжёлые времена. Никто из компании не стремился стать бизнесменом. Интеллигентия — есть интеллигентия. Ряды нашей компании стали редеть. Потеряв в родном городе надежду на работу, начали уезжать в зарубежье дети наших друзей. За ними стали уезжать родители — наши друзья.

А Аня и Лёня не сдавались. Уже будучи в годах и довольно большими людьми, они продолжали созывать нас — оставшихся. К нам присоединилась молодёжь — друзья их сына, утверждая, что так интересно им никогда не бывало ни в одной компании.

В 2007-м году скоропостижно на даче скончался Лёнечка.

Это была для всех нас трагедия. Самый мудрый, самый стойкий друг. Мы почувствовали себя сиротами.

А ещё мы боялись за Анечку. Но она взяла бразды правления не только в семье сына, но и стала позывным нашей уже такой небольшой группы друзей.

Мы приезжали к ней раз в месяц. Обсуждали текущие события, фильмы и концерты, которые она по причине болезни ног, смотрела только по телевидению.

Она пережила сына, но и тут не согнулась. Во всём поддерживала внучку. Когда поняла, что внучка стала самостоятельной, ушла в мир иной. Ей было 93 года.

Соблезная внучке, и нам живущим в родном городе, наши друзья с зарубежных стран написали: «Наша жизнь держится на том фундаменте дружбы, который мы все вместе заложили в наши молодые годы. И заводилами были Лёня и Аня. Почти все из нас стали творцами. А творчество залог интересной и плодотворной жизни!».

Сегодня нас осталось пятеро. Мы стали встречаться реже. Гарри стал нашим предводителем. Он интересуется жизнью каждого из нас, напоминает, что надо встретиться. Так же именно он поддерживает связь со всеми нашими друзьями за рубежом. Правда, их и там уже осталось мало.

А когда два года назад Гарри пригласил нас на своё 90-летие в ресторан, я была потрясена. Пятьдесят гостей. И каждый называл себя другом Гарика, говорил о добрейших чертах и таланте дружить и помогать в трудную минуту.

Дружбы, как правило, Гарри заводил в путешествиях. Они с Ветой, уйдя на пенсию, побывали во многих странах.

А на этом дне рождения они легко, красиво и весело танцевали. И подарили всем гостям очередной новый сборник его стихов.

Творчество залог жизни! Сегодня, как никогда мы это понимаем!

... И в эти дни изоляции Гаррику Спектору некогда грустить, он всем звонит, пишет стихи и высылает нам...

Регина АЗЕРАН

Большая
перемена

Учредители издания:
коллектив редакции.
Главный редактор —
Регина Миронова АЗЕРАН
Почтовый адрес: 191002,
Загородный пр. 17, а/я 32

Тел./факс: 764-76-28,

Газета зарегистрирована в Региональном управлении
Гос. комитета РФ по печати.
Регистрационное свидетельство №П 3011 от 28.08.98 г.

Газета распространяется бесплатно в школах, театрах, книжных магазинах, банках, в Комитете по культуре, Комитете по образованию, магазинах одежды и в местах, указанных рекламодателями.

телефон 8-911-723-93-44,

e-mail: reginaperemka@mail.ru,

Номер заказа XXX
Тираж 5000 экз.
Номер подписан к печати ХХ.ХХ.2020 г.

Отпечатано в ООО «ПрофПринт».
194362, Санкт-Петербург, пос. Парголово,
ул. Ломоносова, д. 113.

www.azeran.ru